

H. Birnbaum. Untersuchungen zu den Zukunftsmensuren mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen. Ein Beitrag zur historischen Verbsyntax des Slavischen («Acta Universitatis Stockholmiensis. Études de philologie slave», 6). — Stockholm, изд. AWE, 1958. 327 стр.

Опубликованная в Стокгольме работа шведского слависта Х. Бирнбаума «Исследования в области описательного будущего времени с инфинитивом в старославянском языке» посвящена вопросам, которые в той или иной мере уже затрагивались в обширной литературе — от наблюдений И. Добровского и А. Шлейхера вплоть до работ наших современников. Наибольшее внимание уделялось старославянскому описательному будущему времени в исследованиях видовых отношений старославянского глагола (А. Мейе, В. В. Бородич, А. Достал и др.), а также, естественно, в специальных работах по славянскому будущему времени (И. Полива, Г. Бонфанте). Однако обстоятельно и всесторонне старославянское описательное будущее еще не изучалось. До сих пор нет и единства мнений по ряду вопросов, касающихся выражения будущего в старославянском языке. Некоторые лингвисты полагают, что полноценным способом выражения будущего в старославянском языке является лишь простое будущее время¹, другие, признавая за описательными конструкциями с инфинитивом способность выражать будущее время без каких-либо добавочных оттенков значения, отказывают в этой способности конструкциям с глаголом *хоитѣ*² и т. п. Исключительно большие расхождения между авторами наблюдались до сих пор по вопросу о частоте применения тех или иных описательных способов выражения будущего в старославянском языке.

Перед исследователем, специально занявшимся проблемой сложного будущего с инфинитивом в старославянском языке, стоял, таким образом, целый ряд задач. Необходимо было прежде всего выделить среди инфинитивных конструкций с глаголами *хоитѣ*, *имамь*, *-чѣнѣ* те конструкции, которые действительно выражают будущее. Во вводной главе (стр. 7 — 57) Х. Бирнбаум принимает в качестве материала исследования конструкции двойного рода: а) выражающие чисто временное значение при утрате вспомогательным глаголом реального значения (Х. Бирнбаум говорит об управляющем и управляемом членах конструкции, хотя, конечно, при утрате глаголом реального значения трудно приписывать ему способность к управлению); б) выражающие временное значение вместе с различными, главным образом модальными, добавочными оттенками при ослаблении лексического значения. Те случаи, в которых

вспомогательный глагол сохраняет лексическое значение полностью, в работе не исследуются. Помимо выявления основной и добавочных функций описательных конструкций, автор предполагает установить степень их морфологизации, а также определить происхождение старославянского описательного будущего.

II глава («Материал», стр. 58 — 209) содержит наиболее полное в славистической литературе обозрение случаев использования описательного будущего с инфинитивом в старославянском языке с привлечением всех известных памятников письменности (довольно подробный список соответствующих случаев приводится и в исследовании А. Достала³, однако из евангельских текстов А. Достал привлек лишь материал Зографского кодекса). По поводу каждого случая Х. Бирнбаум приводит имеющиеся старославянские разночтения, греческие и латинские (Vulgata) соответствия, соответствия современным славянским языкам, указывает литературу, в которой данный случай упоминается, приводит различные мнения исследователей и собственную трактовку функции. Рассматриваются и такие случаи описательных конструкций, которые могут иметь двойное истолкование — сохранение реального значения или же выражение будущего времени с ослабленным лексическим значением вспомогательного глагола. Значительную ценность представляет статистическая сводка материала, приводимая в конце II главы. Из нее выясняется, что будущее время в старославянском языке вообще выражается при помощи конструкций с *имамь* — 132 раза, *хоитѣ* — 101, *начѣнѣ* и *въчѣнѣ* — 16 раз. Из обзора греческих соответствий следует, что описанию с *имамь* соответствует обычно греч. *ὀμν* с конъюнктивом аориста, несколько реже — греческое будущее время; *хоитѣ* с инфинитивом в подавляющем большинстве случаев соответствует греческим инфинитивным конструкциям с глаголом *μελλω*. Глагол *хоитѣ* выступает главным образом в форме причастия настоящего времени (41 раз), реже — в имперфекте (29) и настоящем времени (26), причем соответствующие формы имеет обычно и греч. *μελλω*. Относительно видовой принадлежности глаголов, выступающих в составе описаний в форме инфинитива, устанавливается, что они чаще бывают совершенного вида (148 : 94).

III глава («Функции описательного будущего с инфинитивом в старославянском языке», стр. 210 — 251) содержит выводы автора исследования относительно грамматических значений, которые выражаются в старославянском языке описаниями с инфинитивом. Автор устанавливает способность всех типов описательных конструкций выражать «чистое» будущее время (т. е. без примеси модальных оттенков); однако эта способность чаще проявляется у конструкций с *имамь* (67 случаев, т. е. более 50%) и несравненно реже у описа-

¹ См., например, А. Бел и Ы. О језичкој природи и језичком развоју, 2-е изд., Београд, 1958.

² А. Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, I, Paris, 1902.

³ А. D o s t á l, Studie o vidovém systému v staroslověnině Praha, 1954.

ний с *хощѣ* (9 случаев, т. е. менее 10%). Отметим, что конструкции с *имамъ*, как полагает Х. Бирнбаум, сами по себе не выражают особого значения «отдаленного будущего» или «послебудущего»¹ — этот оттенок значения появляется лишь в составе сложных предложений с придаточными временными или условными (например, Мф. 10, 23 *ѣко не имате исконъчати градъ израель. дондѣже придетъ снъ чловѣскы*, стр. 63 — пример из Марииинского евангелия, аналогично в Зографском евангелии) и выживается исключительно самой связью предложений (стр. 216 — 217). Что касается конструкций с *хощѣ*, то, применяясь для обозначения «чистого» будущего времени, они заменяют отсутствующее в старославянском языке причастие будущего времени (3 случая — глагол *хощѣ* в форме причастия настоящего времени) или же выражают так называемое «будущее в прошедшем» (*Nachvergangenheit*; *хощѣ* в форме имперфекта — 6 случаев). Обыкновенно присутствует модальный оттенок желательности (*voluntative Modalität*) или долженствования. Конструкции с *въчѣмъ* и *начѣмъ*, вообще немногочисленные, по данным Х. Бирнбаума, могут лишь в 2 случаях рассматриваться как обозначающие будущее время без оттенка начинательности.

Таким образом, в качестве средства выражения будущего времени в старославянском языке особое положение занимают конструкции с *имамъ*, обладающие этой функцией в значительно большей мере, чем прочие описания. Что касается перифразы с *хощѣ*, то, по-видимому, прав был А. Мейе, указывавший на малую приспособленность этой конструкции для выражения «чистого» будущего времени в старославянском языке — в отличие от позднейших болгарского и сербского языков. Неполноценность описательного будущего с *хощѣ* в исследовании Х. Бирнбаума не акцентируется, хотя о ней свидетельствует весь фактический материал.

IV глава («К вопросу о происхождении описательного будущего с инфинитивом в старославянском языке», стр. 252 — 278) посвящена проблеме, решение которой в рамках подобного исследования, на наш взгляд, совершенно необязательно и, пожалуй, даже невозможно. В главе рассматриваются различные способы выражения будущего времени в современных славянских языках. Касаясь русского языка (стр. 268 — 269 и др.), автор между прочим солидаризируется с Г. Вытженсом, считающим, что у восточных славян описательные

формы из *буду* и инфинитива стали применяться под западнославянским языковым влиянием², — мнение, весьма мало обоснованное. Некоторый интерес представляют в этой главе наблюдения Х. Бирнбаума над описательными формами будущего времени в памятниках русской редакции церковнославянского языка: если в старославянском языке господствуют конструкции с *имамъ*, то в русских памятниках полностью доминируют описания с *хощу* (в переводе из Г. Амартола — 11 : 1, Иосифа Флавия — 10 : 1).

Выводы Х. Бирнбаума относительно происхождения описательного будущего с инфинитивом сводятся к следующему. Данные для использования *имамъ* с инфинитивом в значении будущего были уже в самом славянском языке; однако известную роль сыграло и влияние живого среднегреческого языка, в котором в период создания и расцвета старославянской письменности широко распространение получила вполне аналогичная конструкция из *ѣхю* и инфинитива; некоторое влияние могла оказать и народная латышь (или балканороманские говоры) своей описательной конструкцией с *haveo*. Конструкция с *хощѣ* в старославянском языке постоянно употребляется для передачи греческих оборотов с *μελλω*; однако и она могла развить временное значение самостоятельно (поскольку лексическое значение желания в известной мере подразумевает и оттенок значения будущности). Конструкция с *въчѣмъ* в значении будущего времени — оригинальное славянское явление, почти не встречающееся в других индоевропейских языках; в старославянском языке они играют очень незначительную роль, употребляясь главным образом в соответствии с греч. *ἔρχομαι* и инфинитивом, или же там, где переводчик специально желал подчеркнуть начинательный характер действия. Все эти конструкции — еще не вполне морфологизировавшиеся средства выражения будущего времени, больше синтагмы, чем аналитические формы будущего.

В заключение отметим, что исследование Х. Бирнбаума, хотя и не разрешает окончательно всех вопросов, связанных с проблемой будущего сложного в старославянском языке, представляет все же для слависта значительный интерес уже своим исчерпывающим изложением материала и тщательностью обработки.

А. Б. Правдин

¹ Иначе полагал А. Потехин (см. «Из записок по русской грамматике», тт. I—II, М., 1958, стр. 355), а также и некоторые другие авторы.

² G. Wytrzens, Zur Frage des periphrastischen Futurums im Russischen, «Wiener slavistisches Jahrbuch», Bd. III, 1953.